

Посвящается Аслы

Эдип — убийца своего отца, муж своей матери, Эдип — отгадчик загадок сфинкса! Что говорит нам таинственная троичность этих роковых дел? Существует древнее, по преимуществу персидское, народное верование, что мудрый маг может родиться только от кровосмешения...

*Фридрих Ницше. Рождение трагедии,
или Эллинство и пессимизм*

Где сыщешь неясный след давнишнего злодейства?

Софокл. Царь Эдип

Никто никогда не заключит в объятия ни сына, у которого нет отца, ни отца, у которого нет сына.

Хаким Фирдоуси. Шахнаме

Часть I

1

По правде говоря, я хотел стать писателем. Но после тех событий, о которых я собираюсь рассказать, я стал инженером-геологом и строителем. Пусть мои читатели не думают, что если я начал рассказывать о произошедшем, то для меня все давно закончилось и осталось далеко позади. По мере того как я вспоминаю, я начинаю больше погружаться в то, что произошло. И надеюсь, что вы вслед за мной проникнете в мой причудливый лабиринт отношений отца и сына.

В 1985 году мы жили на окраинах Бешикташа, в одном многоквартирном доме неподалеку от Павильона Лип¹. У моего отца была своя маленькая аптека под названием «Хай-ят». Раз в неделю аптека работала всю ночь до утра, а отец дежурил. В такие вечера, когда отец оставался на дежурство, я приносил ему

¹ *Павильон Лип*, иначе Павильон Ыхламур — бывшая летняя резиденция султанов Османской империи, построен в 1849–1855 гг., расположен неподалеку от стамбульского района Бешикташ.

Орхан Памук

в аптеку ужин. Я очень любил сидеть в магазине, вдыхая аптечные запахи, пока отец — высокий, стройный, красивый человек — ужинал, сидя у кассы. И сегодня, спустя тридцать лет, когда мне уже сорок пять, я по-прежнему люблю запах старых аптек с деревянными прилавками.

У аптеки «Хайят» покупателей было немного. В те ночи, когда отец оставался на дежурство, он убивал время перед маленьким переносным телевизором, которые в те времена только-только вошли в моду. Иногда я слышал, как отец тихим голосом разговаривает с какими-то приятелями, зашедшими его навестить. Всякий раз, увидев меня, приятели отца прерывали разговор, принимались хвалить меня и говорить, какой я славный, такой же, как отец, и задавали разные вопросы: в каком я классе, люблю ли я школу, кем хочу стать.

Так как я замечал, что отец при своих приятелях становится беспокойным, то в аптеке долго не задерживался, забирал пустые миски и возвращался домой в свете бледных фонарей по улицам с раскидистыми чинарами. Дома я не говорил маме, что в лавку к отцу пришел один из его друзей; мать расстраивалась, когда слышала об этом, ибо думала, что на голову отца вновь свалятся неприятности, или что он вновь ни с того ни с сего нас по-

Рыжеволосая Женщина

кинет и исчезнет, и сердилась на отца и его друзей.

Однако я замечал, что политика не является единственной причиной безмолвных ссор между отцом и матерью. Иногда, как будто без причины, они подолгу обижались друг на друга и почти не разговаривали. Возможно, они разлюбили друг друга. Я чувствовал, что мой отец любит других женщин, а многие другие женщины — его. Иногда мать разговаривала с отцом так, чтобы я догадался, что у него есть другая женщина. Меня очень расстраивали ссоры родителей, и поэтому я запретил себе о них думать.

В последний раз я видел отца в аптеке одним осенним вечером, когда в очередной раз принес ему еду. Я был тогда в первом классе лицея. Отец смотрел новости по телевизору. Пока отец ел из расставленных по прилавку мисок, я обслужил двух клиентов, один из которых купил аспирин, а другой — витамин С и антибиотик, и положил деньги в старую кассу, которая открывалась с приятным звоночком. Уходя домой, я в последний раз взглянул на отца; он с порога улыбался и махал мне вслед.

Утром отец домой не пришел. Об этом мне сообщила мать, когда я после обеда вернулся из школы. Глаза ее опухли, было видно, что она долго плакала. Я решил, что отца забрали

из аптеки и отвезли в политическое управление, как уже бывало раньше. Там его пытали электрическим током, били на фалаке¹.

Семь или восемь лет назад отец уже исчезал и вернулся домой только спустя два года. Но мать в тот раз вела себя так, как будто отца вовсе не допрашивают и не пытаются в полиции — она злилась. Говоря о нем, она восклицала: «Он сам знает, что делает!»

В другой раз, когда отца однажды вечером забрали из аптеки сразу после военного переворота, мать очень печалилась и твердила, что он — герой, что я должен им гордиться, и дежурила в аптеке вместо отца с провизором Маджитом. Иногда и я надевал белый передник Маджита, хотя мне, конечно же, в будущем предстояло стать не провизором, а ученым, как мечтал о том отец.

Но после этого последнего исчезновения отца мать совершенно не интересовалась аптекой. Она не говорила ни о Маджете, ни о других помощниках, ни о том, что будет с отцовским бизнесом. Это заставляло меня думать, что на сей раз отец исчез по другой причине. Но что толку в беспочвенных догадках?

Уже в то время я понял, что мысли приходят к нам в голову иногда в виде слов, а ино-

¹ *Фалака* — традиционное для Ближнего Востока средневековое пыточное орудие для наказания ударами по босым стопам.

Рыжеволосая Женщина

гда в виде картинок. Порой я о чем-то не мог думать словами, но у меня перед глазами появлялась картина, например, как я бегу под дождем, который льет как из ведра. Иногда о чем-то я мог думать только словами, а вот в виде картины этого представить не мог: например, черный свет, смерть матери или бесконечность.

Может быть, я все еще был ребенком: мне удавалось иногда не думать о том, о чем я не хотел. А иногда все было ровно наоборот: я не мог отделаться от картинки или слова, о котором совершенно не хотел знать.

Отец исчез надолго. Бывало, что я уже не мог вспомнить его лица. В такие минуты я чувствовал себя, словно бы на мгновение выключилось электричество и я потерял зрение.

Однажды вечером я брел в одиночестве к Павильону Лип. Дверь аптеки «Хайят» была заперта, на ней висел замок, который, казалось, никогда не откроется. Из сада Павильона Лип поднимался туман.

Вскоре мать сказала, что наше финансовое положение очень плохое. Лично у меня не было тогда никаких расходов, кроме как на кино, донеры в лаваше и комиксы. В лицей на Кабаташе и обратно я ходил пешком. Некоторые мои приятели занимались тем, что скупали, а затем продавали или давали читать за деньги выпуски комиксов. Но мне не хотелось быть

Орхан Памук

таким, как они, и терпеливо караулить по выходным клиентов у кинотеатров.

Лето 1985 года я провел на рынке в Бешикташе — продавцом в книжном магазине под названием «Дениз». Важной частью моей работы было прогонять книжных воришек, почти сплошь школяров. Иногда еще мы ездили с хозяином магазина Денизом на его машине в Чагалоглу за книгами. Хозяин, увидев, что я прекрасно запоминаю имена авторов и названия издательств, стал меня ценить и разрешал брать почитать книги домой. Тем летом я прочел очень много книг — множество приключенческих романов, роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли», сборник рассказов Эдгара Аллана По, книжки стихов, исторические книги об османских военачальниках, даже один сонник. Статье из этого сонника предстояло изменить всю мою жизнь.

Друзья-писатели хозяина Дениза иногда заходили к нам в магазин. Тот, представляя меня им, часто говорил, что в будущем я стану писателем. Я сам как-то раз сболтнул ему об этой своей мечте, и вскоре, под влиянием хозяина, я поверил в это всерьез.

2

Денег, что я зарабатывал продавцом, должно было, по меньшей мере, хватить на курсы для поступления в университет. После того как отец исчез, мы с мамой сильно сблизились. Мое решение стать писателем она воспринимала со смехом, словно шутку.

Однажды, после возвращения из школы, я заглянул в шкаф и в ящики комода в родительской комнате и увидел, что рубашки и остальные вещи отца исчезли, хотя запах отцовского табака и одеколона по-прежнему был там.

В начале того лета, когда я закончил второй класс лицея, мы переехали из Стамбула в Гебзе¹. Нам разрешили жить бесплатно в пристройке дома мужа моей тети. Если бы мне удалось в первой половине лета повкалывать на той работе, которую хотел поручить мне дядя, и скопить денег, то я бы смог после июля

¹ *Гебзе* — город, расположенный на западе Турции, под Стамбулом.

продолжить свою службу в книжном магазине «Дениз» в Бешикташе и поступить на курсы, чтобы готовиться к экзаменам в университет в будущем году. Хозяин магазина, знавший, как я расстроен из-за того, что мы уехали из Бешикташа, сказал, что летом, если мне захочется, я могу ночевать в магазине.

Дядя попросил меня за небольшую плату охранять поле и сад с черешней и персиками на окраинах Гебзе. Я увидел в саду старый стол под навесом и решил, что у меня будет много времени сидеть за ним и читать, но я ошибался. Поспела черешня, и на деревья то и дело налетали стаи шумных бесстыжих ворон. Кроме того, дети и рабочие с большой стройки неподалеку то и дело залезали воровать фрукты и овощи.

В соседнем саду рыли колодец. Иногда я ходил туда и наблюдал за работой орудовавшего лопатой мастера и двух его подмастерьев, которые таскали вырытую им землю.

Подмастерья крутили деревянное колесо лебедки, издававшее приятный скрип, поднимали очередное ведро с землей, отправленное снизу мастером, и высыпали на стоявшую рядом тележку. Затем один из подмастерьев, мой ровесник, куда-то увозил тележку, а в это время второй, который был старше и выше первого, кричал в колодец: «Лови!» — и опускал туда пустое ведро.

Рыжеволосая Женщина

Мастер редко поднимался наверх. Первый раз я его увидел во время обеденного перерыва. Он был совсем как мой отец — высокий, стройный, красивый. Однако в нем не чувствовалось такого покоя, как в моем отце, и лицо его не было приветливым. Напротив, он часто сердился и ругал обоих подмастерьев на чем свет стоит. Поскольку тем явно не нравилось, что я слышу, как их ругают, то я старался не подходить близко к колодцу, когда мастер был наверху.

Однажды в середине июня со стороны колодца раздались радостные крики и выстрелы. Я подошел посмотреть. В колодце забила вода. Узнав об этом, владелец участка, родом из Ризе, прибежал и на радостях принялся палить в воздух. Я вдохнул сладковатый запах пороха. Радостный владелец участка раздал мастеру и подмастерьям деньги. Колодец ему был нужен для будущей постройки на этом участке, так как городской водопровод еще не довели до окраин Гебзе.

В последующие дни я не слышал, чтобы мастер ругал подмастерьев. На повозке он привез несколько мешков цемента и железные детали, залил колодец бетоном и установил металлическую крышку. Так как все явно повеселели, я решил подойти поближе.

— Парень, вижу, тебе нравится эта работа. Я еду копать колодец в одно место на окраи-

нах Кючюкчекмедже¹. Мои подмастерья не последуют за мной. Хочешь, отправимся вместе? — сказал колодезный мастер, которого звали Махмуд-уста.

Увидев, что я растерялся, он сказал, что хороший подмастерье зарабатывает в четыре раза больше садового сторожа. Работы предстоит всего на десять дней, и я смогу быстро вернуться домой.

Мама решительно воспротивилась:

— Я никогда тебе этого не разрешу! Ты поступишь в университет и будешь учиться!

Но мысль о возможности быстро разбогатеть не давала мне покоя. Я настойчиво повторял, что могу за две недели заработать деньги, которые в саду заработаю только за два месяца. Так что у меня появится больше времени, чтобы готовиться к вступительным экзаменам, ходить на курсы и читать. Я даже пригрозил моей бедной маме:

— Если ты мне не разрешишь, я сбегу!

А дядя сказал:

— Если мальчик хочет потрудиться, не сбивай его пыл. А я разужнаю, что за человек этот мастер.

Дядя-адвокат сдержал слово — он встретился в своем муниципальном кабинете в присутствии мамы с этим Махмудом-устой. Они

¹ *Кючюкчекмедже* — удаленный район современного Стамбула, на момент действия романа пригород.

Оглавление

ЧАСТЬ I	9
ЧАСТЬ II	133
ЧАСТЬ III	247